

ПЕЧЕНЕЖСКИЙ ФАКТОР В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ (VIII — 70-е гг. IX в.)

М.В. Киселева

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 1 июля 2008 г.

Аннотация: В данной статье представлена проблема участия печенежского объединения в сложившейся вокруг Великого шёлкового пути системе отношений. Автором работы рассмотрена специфика географического положения печенегов по отношению к ключевым маршрутам этой трассы, выявлены основные направления их деятельности в рамках данной структуры связей (в сфере экономики и политики) и установлена степень влияния этих контактов на социокультурное развитие самих кочевников.

Ключевые слова: печенеги, Великий шелковый путь.

Abstract: Problem of participation Petchenègues association in system of relations which established around the Great silk way presents in the article. The author considered specific of geographical position of Petchenègues to key route of this road, showed main lines of their activity within the limits of the relationships structure (in economic and politic) and installed influence level of these contacts on cultural nomads development.

Key words: Petchenègues, Great silk way

Сложившееся к VIII в. печенежское объединение фактически сразу было включено в крупнейшую систему отношений того времени — Великий шёлковый путь. Соединив сеть дорог ещё древние цивилизации Востока и Запада, эта трасса и в раннем Средневековье оставалась главным маршрутом движения торговых караванов, военных экспансий, кочевых миграций и культурных влияний.

Вполне естественно, что столь глобальное для средневекового мира явление, как развитие социокультурных коммуникаций не могло ни вызвать интерес у исследователей. Первые попытки его осмысления были предприняты конце XIX — начале XX в. в источниковедческих работах [1—3]. Но лишь с появлением в 30—40-е гг. XX в. данных археологии [4; 5] стало возможно поставить вопрос о функционировании Шёлкового пути как единой системы межрегионального взаимодействия. Именно в этом контексте В.В. Бартольд [6] рассмотрел завоевание арабами Средней Азии. Процесс поиска Византией новых путей на Дальний Восток проследила В.Н. Пигулевская [7]. Ещё одно звено в структуре этих отношений — военно-торговый союз тюрков и Согда — было изучено С.П. Толстовым [8] и С.Г. Кляшторным [9]. И, наконец, политика Китая на Шёлковом пути стала предметом

исследования Е.И. Лубо-Лесниченко [10] и А.М. Петрова [11].

Осветив, таким образом, и весьма подробно деятельность ключевых игроков на международной арене, историки значительно меньше внимания уделяли роли остальных субъектов данных отношений. Не стали исключением и печенеги, упоминавшиеся ими лишь как одно из племенных образований Средней Азии. Конечно, в некотором роде, эта ситуация в исторической науке была обусловлена объективными причинами: обрывочностью информации по истории данного региона. Вместе с тем, на наш взгляд, имеющихся сообщений вполне достаточно, чтобы выявить степень влияния печенежского фактора на развитие отношений на Шёлковом пути.

Одним из главных условий участия печенежского союза в этой структуре связей являлось, безусловно, его географическое положение. Если исходить из данных письменных источников [9, 161—163], то прародиной номадов была Средняя Азия, а точнее — среднее течение Сырдарьи. Эта территория вплотную примыкала к «северному» участку шёлковой трассы. На восток от печенежских земель дорога вела в города Согда, далее, пересекая ставку тюркских каганов, выходила к границам Китая. На западе же она достигала Северного Каспия и сквозь Закавказье или Крым устремлялась к Византии. Практически параллель-

но ей (через Иран и Армению) шёл «срединный путь». Кроме того, действовал ещё и третий, «южный», маршрут — в Индию, пересекавший Восточный Туркестан, Тибет и Непал. Помимо этих основных направлений, существовали и другие дороги, посредством которых все три трассы соединялись между собой [12, 373—374].

Осознав, очевидно, все выгоды такого расположения, печенеги, переселившись в начале IX в. в Поволжье, опять оказались на пути движения торговых караванов. В описаниях дорог арабских географов (ал-Истархи, ал-Масади и др. [13, 234—236]) они не раз упоминались в числе проживавших в этом регионе народов.

Размещаясь, таким образом, возле узловых участков Шёлковой трассы, эти номады получали, по видимому, неплохой доход с пошлинных сборов. Тем более что объём грузоперевозок по «северной» ветке трансконтинентальной магистрали в это время был весьма существенным [12, 352—391].

Ассортимент товаров, проходивших около печенежских кочевий, позволяют установить обнаруженные на всём протяжении пути ремесленные изделия [14; 15; 16], а также описания хозяйственной специализации различных стран (ибн Хардадбех [17], ибн Джафар [18, 64—68]). Согласно этим сведениям основным предметом импорта в средние века оставался шёлк. Кроме дорогих видов материй из Китая (тафта, репс), широкое распространение на мировом рынке получили более доступные для обычного покупателя согдийские ткани. В сам Китай ввозились полимерные материи из Сирии, Египта и Византии. Кроме того, большой популярностью в Срединной империи пользовались изделия из шерсти и льна (ковры, покрывала, гобелены), производившиеся на Ближнем Востоке, в Восточном Туркестане и Индии. Не меньший спрос в Средней Азии и на Дальнем Востоке имели сирийские стеклянные предметы (бусы, подвески, браслеты, сосуды). Весьма обширен был и круг товаров, поступавших в Китай от азиатских кочевников: меха, мускус, бивни мамонта, моржовые клыки, лошади, мулы и верблюды. Одним из древних центров коневодства считался Кангюй, на территории которого возник печенежский этнос. Индия же была известна всему миру как родина пряностей: перец, мускатный орех, корица.

К сожалению, точно установить, какие товары пользовались спросом у печенежских племён, невозможно, т. к. пока ни одна из обнаруженных в Средней Азии археологических культур не была соотнесена с данным этносом. Вместе с тем, общий перечень ве-

щей, поступавших в Степь из земледельческих районов, был весьма устойчив: шёлковые ткани, вышивки, бронзовые зеркала, ювелирные изделия. Эти товары обменивались номадами на скот и продукты животноводства (кожа, шерсть, животный жир). Одним из крупнейших центров такой торговли в VIII в. был Отрар, граничивший с землями печенегов [9, 160; 20]. Особый интерес к кочевым объединениям как к рынку сбыта товаров проявлял Китай. Ещё одной формой сотрудничества в этой сфере было сопровождение степняками купеческих караванов при пересечении последними труднопроходимых или беспокойных участков трассы. Эти функции, вероятно, выполнялись и печенегами.

Интенсивность развития экономических связей на Шёлковом пути зависела во многом от характера политических контактов. Естественным желанием каждого их участника было увеличить доходы от транзита и расширить сферу своего влияния. Именно на решение этих проблем и были направлены усилия стран, расположенных вдоль этого пути.

Особое место этой структуре занимала Средняя Азия, включавшая наиболее протяжённый участок трассы. Вместе с тем, проживание в этом регионе различных кочевых племён, которые лишь на короткое время объединялись в «империи», делало его удобным объектом для военных экспансий Китая, а позже и Арабского Халифата. Кроме них, взять под контроль азиатские степи пытались и восточные тюрки. Хотя размеры Тюркского каганата к VIII в. сильно сократились, но военные походы на запад позволили им расширить пределы государства до Приаралья [9, 163]. Совершенно другую тактику поведения на мировой арене выбрала Византия. Не имея общих границ с азиатскими племенами, она налаживала торговые связи с ними посредством дипломатии [7, 206—214].

Понятно, что конкурировать с государствами, имевшими мощную ресурсную базу (постоянная армия, военная техника, экономический потенциал), потестарные объединения не могли. Поэтому для удовлетворения своих политических амбиций они должны были искать союзника среди крупных держав. Наиболее приемлемым вариантом для печенегов в этой ситуации оказался Восточный каганат.

Значимость печенежского фактора в тюркско-арабских столкновениях, была показана в «каменной летописи» Каганата. При изложении событий, связанных с походом тюрков в Семиречье в 712—713 гг., автор текста упомянул кенгересов (т. е. печенегов) в качестве их союзников в данном регионе. Согласно его рассказу печенеги не только разрешили отрядам

Могиляня и Кюль-тегина пройти к Согду через свои земли, но и обеспечили им поставки фуража и продовольствия. Позже, подвергнувшись нападению тюркешей, эти номады, в свою очередь, получили от них военную помощь [21, 32].

Ещё одно сообщение (Константин Багрянородный) о влиянии печенегов на развитие отношений на Шёлковом пути относится ко времени их пребывания в Поволжье (40–80-е гг. IX в.), куда они вынуждены были откочевать под давлением Огузов [22, 125]. Не сумев закрепиться в этом регионе, кочевники двинулись дальше на запад через Хазарию. Именно печенеги, по мнению С.А. Плетнёвой, стали причиной разрушения ряда городов и селищ этого края [23, 116]. Учитывая, что еврейские купцы, проживавшие на его территории, являлись посредниками в продаже товаров между Средней Азией и Дальним Востоком и рынками Византии, действия номадов имели серьёзные последствия для циркуляции товаров по всей трассе.

Таким образом, хотя участие печенегов в политических отношениях на Шёлковом пути носило эпизодический характер, но при этом оно имело определяющее значение при распределении сфер влияния между ведущими державами Средневековья.

В нашем распоряжении мало сведений, касающихся роли печенегов в развитии этнокультурных связей на Шёлковом пути. Возникнув в результате ассимиляции одной из групп тюрков североиранских племён Приаралья [9, 177–179], данный этнос и в причерноморских степях сохранил характерные для народов тюркской языковой общности черты: погребения с конём и руническую письменность [23, 115–135].

Весьма традиционным для кочевой среды была и организация хозяйственной деятельности у печенегов — отгонное скотоводство. Кроме того, расположение их кочевий вблизи водоёмов, а так же письменные сообщения свидетельствуют о развитии у них рыболовства [9, 178]. О том, какой же религии придерживались эти номады в VIII — IX вв., пока ничего не известно. В любом случае, печенежское объединение являлось в этом случае не субъектом, а объектом культурного воздействия окружающих его осёдлых народов.

Воронежский государственный педагогический университет

М.В. Киселева, аспирант кафедры истории России нового и новейшего времени

KiselevaMV80@yandex.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бичурин Н.Я. (Иоакимф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1—3. — М.-Л., 1950—1953.
2. Hammer J. Sur les originrs Russes: Extraits de manuscrits orietaux. — SPb., 1825.
3. Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. — Leipzig, 1903.
4. Толстов С.П. По следам хорезмской цивилизации. — М., 1948.
5. Берштан А.Н. Археологические работы в Южном Казахстане // Краткие сообщения Института материальной культуры. — Вып. 26, 1949. — С. 131—133.
6. Бартольд В.В. Сочинения. — Т. II. — Ч. 1. — М., 1963; Т. VIII. — М., 1973.
7. Пигулевская Н.В. Византийская дипломатия и торговля шёлком в V—VIII вв. // Византийский временник. — Т. I (XXVI). — С. 184—214.
8. Толстов С.П. Города гузов // Советская этнография. — 1947. — № 3. — С. 55—102.
9. Кляшторный С.П. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М., 1964.
10. Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шёлковом пути: шёлк и внешние связи древнего и раннего Китая. — М., 1994.
11. Петров А.М. Великий Шелковый путь. — М., 1995.
12. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. — М., 1988.
13. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. — Т. II. — М., 1967.
14. Винокурова М.П. Ткани из замка на горе Муг // Известия отдела общественных наук АН Таджикской ССР. — 1957. — № 14. — С. 17—32.
15. Савченко Е.И. Исследование могильника Мощевая Балка // Археологические открытия. — М., 1981. — С. 125—140.
16. Трифонов Ю.И. Работы на могильнике Аргалыкты // Археологические открытия, 1965 г. — М., 1966. — С. 123—130.
17. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. — М., 1986.
18. Караев О.К. Арабские и персидские источники IX—XII вв. о киргизах и Киргизии. Фрунзе, 1968.
19. Берштан А.Н. Древний Отрар // Известия АН Каз. ССР: сер. Археология. — Вып. 3. — 1951. — С. 81—97.
20. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. — М., 1959.
21. Константин Багрянородный. Об управлении империей / текст, перевод, комментарии Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. — М., 1989.
22. Плетнёва С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху Средневековья. — Воронеж, 2003.

Voronezh State Pedagogical University
M.V. Kiseleva, postgraduate student, Department of
Modern and Contemporary Russian History
KiselevaMV80@yandex.ru